



Кузькина Мать и военная игра.

Недалеко от лагеря, сразу за костровой поляной, там, где сейчас стоит охотничий кордон и засеян клин овса для многочисленных кабанов, была посажена березовая роща. На наших глазах деревца выросли из тоненьких прутиков в настоящие деревья с шумящей кроной и гибкими белыми стволами.

Нежнейшая трава создавала у земли изумрудный покров, в котором тонула нога и прятались боровики. А если упасть в нее, раскинув руки, то можно было задохнуться от чистого лесного воздуха на березовых бруньках, с тонами полевых цветов и радугой, повисшей на паутине меж тоненьких веточек.

Со всех сторон она была отделена просеками. Заботливые руки лесничих периодически прочищали ее от сухих стволов, прореживая и собирая их в кучи, словно горы валежника, прикрывающие берлогу медведя или тайный схрон зверья поменьше. Это сделало ее очень удобной для разного рода пионерских мероприятий. Одним из таких мероприятий была военная игра.

Когда меня озадачили участием в военной игре в качестве резидента, которого будут ловить всем лагерем, мне тут же вспомнился опыт нашего Художника, посаженного в зооуголок. Поскольку выбора у меня не было, я решил, что просто так я им не дамся!

Первым делом я решил, что мне необходимы телохранители, и лично отобрал троих - девочку спортивного сложения, Мишку-начинающего бодибилдера и одного из братьев-близнецов Нестеровых - кажется Игорька. Всех мне предоставил Андрэ из личного состава своей «эскадры» (2 отряд).

Во-вторых, надо было добавить таинственности, и в моем авиаракетном кружке стали красить бинты гуашевой зеленой краской. На солнце они быстро высохли, и я не удержался от ходового испытания.

Время было перед тихим часом, народ рассосался по корпусам. Намотав бинты себе на голову, так что осталась лишь щель для глаз, я накинул куртку с капюшоном и мелкими перебежками двинулся к третьему корпусу, где обитал первый отряд.

В планы не входило будоражить пионеров, поэтому, недолго думая, я замер на мгновение у двери, за которой жили девочки-вожатые, и тихонько постучал.

На веранде шестого и седьмого отрядов было как всегда тихо. Обычный для тихого часа пинг-понг был начисто проигнорирован вожатыми Саней и Геней. Их умы теперь занимала военная игра. Жажда первенства во всем вот что культивировали эти ребята в лагере и в своем отряде конкретно. Уступить кому-либо возможность поймать резидента - с этим они смириться не могли, поэтому разрабатывали собственный план защиты объектов и имени резидента. Личность его была засекречена, и это вносило некую изюминку в выбор стратегии и тактики действий двух отрядов.

На веранду вышел маленький человечек в трусах попроситься в туалет. А что, Нодельман, поймает мы завтра резидента? - как всегда залихватски спросил Геня.

Улыбаясь, дите стало объяснять, что ему нужно в туалет. Срочно!

— Нет, ты не увиливай! Ты что, не уверен в своих товарищах? Или, может, сомневаешься в вожатых? — допытывался Геня.

Создание в сатиновых трусах теребило майку, обнажившую куриные хрящики плеча, ключицы. Тоненькие ножки сучили ко-

ленками, заворачивая их восьмеркой, а ноги в сандалетах рисовали дуги по крашеному полу веранды. Широкие передние зубы, между которыми зияла огромная дыра, прикрывали открытый рот, изображавший улыбку и мученье одновременно.

— Я... Я не знаю... - начало создание — Наверное....

— Нет, Нодельман, ты не понимаешь! — возбудился вожатый.

— С таким настроением нельзя идти на войну! Надо верить в товарищей, в своих командиров...

На лице пионера появилась испарина, а улыбка превратилась в гримасу. Заворачивать коленки было уже некуда.

— Да отпусти ты его! Не дай Бог не дотерпит! — пожалел пионера Саня.

— Да, что-то я увлекся. Беги, Саша! Смотри, донеси! — и Геня переключился на обсуждение плана поимки резидента.

— Донесу! Поймаем! — донеслось вслед удаляющемуся по коридору звуку шлепающих сандалет. Схваченная пружиной дверь с силой распахнулась и, предоставленная в следующий момент самой себе, смачно стукнула по дверной коробке.

— Боевой дух надо воспитывать постоянно! — произнес Геня и принялся излагать очередную идею поимки резидента.

По лагерю прошел слух, что граф Толмаччини, бывший пограничник, организовал из своего отряда отдельный батальон СМЕРШ (Смерть шпионам), усилив его несколькими рослыми юношами первого отряда. Поговаривали, что они уже знают, кто резидент, и установили за ним слежку. Якобы, он сам, подготовил хитроумную ловушку, как это делали на границе, и резидент непременно в нее угодит. Уступать Толмаччини первенство поимки резидента в планы Сани и Гении не входило.

Короче, лагерь бурлил и клокотал перед игрой отряды получали отличительные знаки, командиры комплектовали личный состав, на карте были обозначены места расположения ракетных комплексов, а кто будет резидентом, ни кто не знал.

— Ой, подождите минутку! — раздалось из-за двери, но меня уже было не удержать, тем более в любой момент в кори-

доре мог появиться кто-нибудь из пионеров. Я резко распахнул дверь и с криком: «Жизнь или кошелек!» — влетел в комнату.

В черном комбинезоне гражданской обороны с зеленой перебинтованной головой, на которой была лишь щель для глаз, я выглядел эффектно, а самое главное, непонятно. Невозможно было установить личность, что бы выразить свое отношение. Было понятно, что девочки прятали окурки, но от неожиданности за-визжали по-бабьи и заскочили на кровать с ногами, продолжая хлопать ресницами на круглых, как у мартовских кошек, глазах. Почему я выбрал именно эту фразу и сам не знаю, но прозвучав по-пиратски, она не слишком выдала мои намерения. К тому же замотанный бинтом рот искажил мой голос. Не открывая своего инкогнито, я резко выскочил в открытое окошко, отметив, что девочки-вожатые были в одних трусиках и топлес. «Ну и причем тут сигареты?» - пронеслось в мозгу. Важна была первая реакция, а она была. И это радовало.

Намеренно пробежав к корпусу второго отряда эскадре Ма-монта, я ушел в ельник, туда, где когда-то стоял тир, и скрылся за забором.

Через некоторое время, переодевшись и размотав зеленый камуфляж, я забрал из отряда своих архаровцев и, вооружившись лопатой и топором, ушел в лес.

Хитроумный Андрэ де ля Топор (Мамонт) отвел мне роль на-седки без яиц, т.е. я располагался в березовой роще и обладал кар-той с объектами, подлежащими уничтожению, но «взрывчатку» мне должны были переправить из-за кордона три диверсионные группы. А до той поры, мне предстояло зарыться по уши и мо-лить господ Бога, что бы какой-нибудь из пионеров не наступил бы мне на голову или не снес резким движением ноги нос или ухо.

Короче мы шли отрываться! Заприметив недалеко от границы рощи валежник, мы аккуратно отодвинули его в сторону и вы-рыли окопчик, устлав его дно лапником. Привалив валежник об-ратно, мы убедились, что следов деятельности или пребывания

человека видно не было. Нужно было успеть к ужину, и мы заторопились обратно.

На вечерней линейке всех оповестили о завтрашней военной игре. Это только в голливудских фильмах мы увидели, как отвязные герои стреляют очередями из пистолетов, а уж как они это делают из автоматического оружия этому и названья-то не придумано. Все в сегодняшней жизни изменилось, а в военной игре нам даже муляжи оружия были не нужны. Просто нашиваешь два шеврона, которые торчат и оттопыриваются. Если у тебя сорвали один шеврон ранен, иди в госпиталь, если сорвали оба убит. Извини, но воскресить тебя невозможно бегаешь, смотришь, но не участвуешь. Прямо по Раневской!

Вожатая первого отряда Ирина Кузькина попала на отряд в силу обстоятельств. Чуть старше всех остальных вожатых, она приехала в лагерь с сынишкой Коленькой, которого разместили в отряде чебурашек. Случилось так, что весь состав вожатых был расписан, и только на первом отряде был некомплект. Ирина, женщина видная, а ля «анашкинская Мордюкова», была человеком немудреным, жизнью наученным, поэтому не переносила длинных фраз и действовала всегда самым простым образом. Юноши в отряде не рисковали с ней спорить понапрасну, поскольку можно было и нарваться. Обладая добрым характером, Ирина ни кого даром не обижала, но дисциплину блюла. Вот и сегодня, раздав пионерам шевроны для военной игры, она ласково, по-матерински сказала:

— Что б завтра к завтраку у всех было пришито!

«Кузькина Мать!» — само прилепилось к ней негласное прозвище, и оно соответствовало своей хозяйке.

На следующее утро после завтрака отряды вышли в лес, чтобы познакомиться с местностью, разметить границы объектов и провести учения. Весь лагерь отряд за отрядом уходили через центральные ворота, как всегда шумно, с пионерскими и октябрятскими флажками. Создавалось впечатление, что на такую не очень-то большую березовую рощу народу набирается уж слишком много. Забежавший в кружок Мишка опасно спросил:

— Ну, и где мы от всей этой оравы на березовом пятачке спрячемся?

— Не дрейфь, Мишка! Ты же здесь вырос, ты каждый бугорок знаешь, каждую елочку они укроют. А не укроют, включишь ноги и будешь петлять как заяц. Впервой что ли? — ответил я ему.

— Не шурши, иди, готовься! — подтолкнул я его из кружка. Мне тоже надо было пришить шевроны и докрасить бинты для всех членов моей диверсионной команды.

Выпив чая и съев кусок хлеба с вареной сгущенкой раньше всего лагеря, мы вышли с территории, когда прозвучал горн на полдник. Молча попетляв по лесным тропинкам, вышли к березовой роще, где через час начнутся боевые действия. Получив каждый свою задачу, мы стали разбредаться по заранее определенным координатам, поскольку нам другие группы должны были доставить «взрывчатку».

Спрятав Игорька под валежник в окопчике, и наказав продержаться как можно дольше, а затем выскочить с криком: «Диверсанты! Диверсанты!», — мы ушли по диагонали в совершенно другой угол рощицы. Дело в том, что когда мы договаривались с Андрэ, то на его вопрос, где меня искать, я просто ткнул пальцем в клочок карты. На этом и порешили. Сходить проверить это место времени так и не нашлось, поэтому легкое чувство неопределенности бодрило и добавляло интриги в общий настрой. Предчувствия не только сбылись, но и оправдали себя на все сто процентов. Ровные посадки молодых сосенок, просматриваемые на сто метров в любом направлении, и ни каких овражков, балочек, луночек или хоть чего, за чем можно было бы спрятаться, укрыться.

— Хорошо местечко! — сказал Мишка — Только зайцем здесь и бегать!

— Не умничай! Ляжешь в траву, тебя ни кто не увидит! — отрезал я резко.

Договорились, что расположившись друг от друга метров на 25 влево и вправо, мы будем ждать, пока нас не обнаружат, и тогда обнаруженный вскакивает и убегает в сторону, противополож-

ную месту, где лежат остальные. При этом я, как резидент, лежу до последнего, пока на меня не наступят, а телохранители будут пытаться увести от меня преследователей. План наш был гениален по своей простоте и так же неосуществим в жизни.

Подкрепившись чаем с вареной сгущенкой на хлебе, лагерь разбежался по отрядам. Бодрые речевки типа: «Хоть резидент, хоть диверсант мы сможем им надраить зад!» — неслись из лагеря и долетали до березовой рощи. Креатив вожатых младших отрядов Гении и Сани пришелся по душе их воспитанникам, и они бодро скандировали кричалки, выходя из главных ворот, шлепая сандалетами по асфальтовому покрытию и мужественно размахивая ручками-веточками.

Сообщение по радио о сборе спецгруппы по поимке резидента у 5 корпуса бодрило и мешало созерцать ровные ряды сосновой просеки, на которой с перемотанными зеленым бинтом головами сидели в ожидании неминуемой смерти три подосиновика или, вернее, подзеленовика. Почему-то вспомнилось спокойствие Игорька, взявшего с собой пару намазанных сгущенкой кусков хлеба. Когда ему заматывали бинтом голову, я хотел оставить прорезь для рта, что бы мог хлеб со сгущенкой потихонечку трескать. На что Игорек мужественно возразил, сказав, что съест его только после того как поймают, типа:

— Неизвестно еще, как у них там, в плену кормят!

Между тем, голоса из радиотранслятора стали вытесняться приближающимися голосами, а точнее командами, типа: «Первая рота, рассыпаться в цепь! Прочесать квадрат номер 4! Вторая рота в колонну за мной в квадрат шесть! Пленных не брать! Ловим только РЕЗИДЕНТА!»

Не знаю, кому как, а мне по-настоящему стало страшно. Решительно не понимая, где этот квадрат шесть, я ощутил, как животный страх заполнил меня всего. Вот я, в расцвете сил и желаний буду пойман, пленен и выставлен на посмешище на центральной линейке! И проходящие мимо пионеры будут ковырять меня гнутой алюминиевой вилкой из столовой и ржать, а чебурашки швырять шишки, норовя попасть куда-нибудь в глаз! Пе-

ред глазами вставляли картинки одна страшнее другой. Что там семь дантовых кругов! Для меня все они представляли непрерываемый процесс, вроде «русских горок».

Умирать решительно не хотелось. Процесс несогласия стал робко формироваться в абсолютное противоречие с замыслами тех, отдающих приказы. Мысли собрались в кулачок и стали пульсировать венкой на висках. После нескольких минут борьбы с собой я уже знал, что черта лысого они меня так просто возьмут. Что я смогу задать им перца. Что еще посмотрим, у кого папа здоровее! Короче, собрался я вовремя, потому что, вспугнутой перепелкой сорвалась со своего места моя девочка-телохранитель, и, преследуемая улюлюкающей толпой мелюзги, полетела по дуге в сторону границы рощи, за которой можно было укрыться.

Тут и я заметил бредущих юнармейцев, разгребающих у себя под ногами траву. Война войной, а харч - дело святое! Воюем с пользой для родных вожатых! В полиэтиленовых пакетах приятно оттопыривались силуэты трофеев грибной охоты. Я лежал прямехонько посередине между двух шеренг, и имел все основания полагать, что опасность пройдет стороной. Но вот на Мишку наступили, и он, с диким криком выпорхнув у них из-под ног побежал не в сторону, а прямо ко мне, и, наклонившись, закричал в ухо:

— Жека, шуба! Нас зажопили!

Словно два кота ночью на крыше мы столкнулись лбами и разбежались в разные стороны. Героические бойцы при виде двух страшных черных диверсантов с зелеными головами и щелками вместо глаз рванули от нас в противоположном направлении.

Я бежал как молодой кабан, руша и вырывая с корнем молодые деревца, не потому, что делал это умышленно, а потому, что просто их не замечал. С этого времени в роще к продольным просекам прибавились еще поперечные.

Обнаружив, что погони нет, я прыгнул в сторону и, упав в траву, закатился под елку. Вспомнились уроки маскировки, которые давал нам Ляля в былые времена. Сердце билось как у зайца, а мозги работали как у киллера: «Первое, найти группу Мамонта и

заполучить взрывчатку. Второе, задать перца всем этим полкам и бригадам, и в первую очередь их командирам. И третье, вы начали охоту на меня, а я начну охоту на вас! Потом посчитаемся, кто кого!» Я отполз по-пластунски в сторонку и, накинув капюшон на зеленую голову, встал и пошел, почти не скрываясь.

Перемены в военной инициативе были налицо, но удачу за хвост мне еще предстояло поймать.

— Стой, пароль! — крикнул кто-то из мурзилков, выскочив из кустов и поправляя штаны.

Как на зло, я стоял на широкой аллее, по которой ко мне с трех сторон бежали вожатые Саня с Геней и их «орелики», и СМЕРШ графа Толмаччини с бройлерами из первого отряда. Надо было уносить ноги. В этот раз меня гоняли по кустам и пролескам довольно долго, пока я, вконец обессилев, не закатился под очередную елку.

— Ищите, он не мог уйти! Под ноги смотрите, здесь трава высокая! — голосил Геня, поправляя очки на переносье, практически наступив на мои торчащие из-под елки ноги.

— Нет, ты видел, как он меня локтем в челюсть съездил? — подхватил Саня где-то над моей головой.

По правилам игры вожатые считались «посредниками», т.е. консультантами, которые не имели права самостоятельно участвовать в задержании диверсантов. Для этого была армия с пришитыми шеvronами. Кстати, шеvronов у посредников тоже не было. А у меня были! Меня могли убить, оторвав эти шеvronы, а они вроде как бессмертные! Вот и получите по зубам за корректное исполнение ваших же правил! Тем более я не со зла, а просто отмахнувшись от схватившего меня вожатого. Дело старое, прости Сань!

В это время в другом конце рощи раздались крики, взрывы и мои преследователи, не опознав мою личность, посчитали меня простым диверсантом и убежали ловить кого-то покрупнее.

Я лежал, уткнувшись в землю лицом, подобрав ноги, обвив ствол юной елочки, и мысленно благодарил Лялю, который научил меня много чему хорошему, но сегодня мне пригодилось

лишь одно умение прятаться. Я открыл глаза прямо перед носом, по которому тек пот, стоял красавец гриб. Не просто гриб, но боровик во всей своей красе, с толстой дутой ножкой и заливчато надетой чуть наискось шляпкой. Взять его с собой я не мог, но и оставить было жалко.

В пакете у Ирины лежало два бледных подберезовика, да с десяток сыроежек. Ну не везло ей сегодня! И кто придумал эту военную игру все только носятся как оглашенные, все ловят кого-то. Ни тебе погулять, ни гриб поискать! Присев на траву Она вытянула ноги и потянулась.

— Ирина! — послышался шепот у нее за спиной.

— Иди сюда, гриб покажу! — раздалось откуда-то снизу, отчего стало как-то неудобно. Она вскочила на ноги и огляделась ни кого нет. Она обошла полянку кругом ни кого!

— Подойди к елочке и встань на колени. — продолжал голос из ниоткуда.

— А это не опасно? — сглатывая слюну в пересохшем горле, опасливо спросила она в неизвестность.

— Не опасно! Становись! — донес до нее слова пролетевший над полянкой ветерок.

Форменная казачка, как кролик, повинувшись шепоту питона, встала на колени перед елочкой, торчащей посреди молоденьких березок. Ладони сильных рук утонули в мягкой неге шелковой травы.

— Наклонись ниже и придвинься вперед! — стучал в мозг неизвестный голос. Она повиновалась, и уткнулась носом в белый гриб. Чудо, а не гриб! Но за ним она увидела два глаза, смотревших на нее в упор из прорези забинтованной зеленым головы.

— А-а-а! Кто ты? — подскочила она на месте, одергивая са-рафан, и озираясь, кого бы позвать на помощь. Кругом галдела и трещала сучками роща, но людей не было видно. Елочка взмахнула своей юбкой, из-под которой вышел весь в черном человек с зеленой головой.

— А-а-а-а! - припустилась было снова кричать женщина, но некто закрыл ей рот ладонью и сказал:

— Это я, Женя Урлов! Меня все ищут. Бери гриб и уходи!

— Да, я это... Я сейчас! — продолжала лепетать вожатая, но тон ее несколько изменился. Напрасно я не придал этому значения, осматриваясь по сторонам. В следующий момент сильные руки обхватили меня сзади, а над ухом пронеслось :

— Все сюда, я его поймала!

«Это конец! Просто так от нее не освободиться!» — подумал я. Резко нагнувшись вперед, моя рука подхватила ее ногу, а распрямившееся тело не оставило Кузькиной Матери шансов удерживать меня в своих объятиях. Вскинув руки и охнув, она упала спиной в траву. Я отпрыгнул в березняк и дал деру. Вдогонку мне неслось звуком шальной пули, упустившей свою мишень:

— Держите его, это Женька!

Не буду терзать читателя дальнейшими описаниями того, как мы встретились с Андрэ де ля Топором и его диверсионной группой. Как набив карманы взрывчаткой, я взрывал ракетные шахты юнармейцев. Как меня гоняли, но не догоняли бультерьеры графа Толмаччини. Все это будни военного времени.

Наигравшись и натешившись вдоволь, я сдался красивой девочке из первого отряда, был повязан футбольной сетью и доставлен в лагерь.

Игра удалась! Резидент был обезврежен, правда, при этом были потеряны все ракетные шахты, бойцы бегали без шевронов, поскольку вожатые устали их пришивать. Свою жизнь я продал не задешево!

Игорька нашли под валежником случайно. Он громко чавкал, жуя хлеб со сгущенкой. Как он прокомментировал это был нервный срыв.

Мишку убили через сто метров после его рывка ко мне.

Девочка-диверсант славно потрудились — нашла группу Андрэ, получила взрывчатку и подорвала пару объектов.

Вожатые Геня и Саня пытались оспорить мои действия, но не смогли. Правда, Саня на концерте вожатых отомстил за выбитую челюсть раздробил о мою голову ствол трубочника толщиной с руку.

А Кузькина Мать потом долго искала, но так и не нашла чудный белый гриб. А какой был гриб — песня! Не на то ты гриб променяла, Ирина! Хотя теперь я начинаю понимать, что такое «военная истерия», и как она захватывает даже самых мирных граждан.

Что поделаешь, игра есть игра, а в ней надо не бояться, а ловить удачу за хвост!